

сомъ коллекционируемъ. Сегодня, напримѣръ, мнѣ удалось пайти нѣсколь-
ко очень хорошихъ экземпляровъ аммонитовъ и белемнитовъ, ископае-
мыхъ юрской эпохи, а также кусковъ десять каменнаго угля.

А. Быковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поморскія вечеринки.

I.

Среди всякаго рода увеселеній поморской молодежи самое видное мѣсто занимаютъ вечеринки, называемыя на мѣстномъ нарѣчій „вечеринны“.

Вечеринки эти начинаются чуть ли не съ перваго дня пріѣзда поморовъ съ Мурманскаго промысла и продолжаются съ небольшими перерывами вплоть до Великаго поста.

По своему характеру онѣ дѣлятся на три вида: простую, устраиваемую парвями въ складчину, „лекрутскую“, устраиваемую тѣмъ или инымъ рекрутомъ или цѣлой компаніей послѣднихъ, и наконецъ—святочную, устраиваемую дѣвушками.

На этихъ вечеринкахъ участвуетъ молодежь обонхъ половъ, начиная съ 16—17-ти лѣтняго возраста.

Простая вечеринка устраивается слѣдующимъ образомъ. Какойнибудь парень снимаетъ избу на вечеръ за 50—70 к. и напимаетъ „стучальщика“, мальчика или дѣвочку, которые съ палкой въ рукахъ обходятъ все избы, гдѣ живутъ взрослые дѣвушки, и, стуча палкой подъ окномъ, выкрикиваютъ:

— „Къ (имя хозяйки) на вечеринну“.

На вечеринкѣ распорядитель собираетъ „мостовыхъ“ со всѣхъ танцующихъ парней. Если послѣ обхода съ шапкой въ рукахъ денегъ для уплаты хозяйкѣ все таки не хватитъ, распорядитель прибавляетъ изъ своего кармана,—если наоборотъ, собраны лишнія деньги,—ихъ сообща пропиваютъ.

Представьте себѣ небольшое поморское селеніе, окутанное мракомъ черной осенней ночи, по которой свободно посетитъ сѣверный вѣтеръ. Со свистомъ и стономъ рветъ онъ стекла оконъ, и они жалобно стучать, прося помощи.

Безвѣздное черное небо давить землю. И кажется, что земля тихо плачетъ и стопеть отъ одиночества, отъ тоски...

Тишина. Мертвая, страшная тишина кругомъ. И только порой прерывается она сердитымъ рокотомъ бушующихъ волнъ Бѣлаго моря, безнадежно бьющихся о каменныя скалы...

Большими страшными тѣнями глядятъ избушки, въ которыхъ давно погасъ уже свѣтъ. И только изъ окна одной ветхой избушки уныло смотритъ блѣдный огонекъ, бросаая тусклый свѣтъ на грязную улицу, и мапить къ себѣ, обѣщая теплый пріютъ и покой.

Отведу читателя въ эту избушку и познакомлю его съ жизнью ея въ эту темную осеннюю ночь.

Небольшая, слабо освѣщенная комната—кухня съ низкимъ, закон-тѣлымъ, досчатымъ потолкомъ и такими же стѣнами. На „дольней“ (вдоль по полу) и двухъ „поперечныхъ“ (поперекъ пола) лавкахъ, тяну-

щихся почти до самыхъ дверей, сидятъ дѣвушки въ дорожныхъ нарядахъ.

Какая здѣсь пестрота цвѣтовъ!

Желтые, синіе, красные, зеленые и розовые сарафаны, такихъ же цвѣтовъ большіе шелковые платки съ пестрыми узорами, широкіе крахмаленные рукава рубашекъ, окаймленные кружевами и шитьемъ, золотыя брошки, кольца, браслеты, серьги съ большими разноцвѣтными камнями, передники, вышитые стеклярусомъ, играющимъ брилліантами и цѣлый ворохъ розовыхъ, голубыхъ, красныхъ и желтыхъ лентъ, заплетенныхъ въ косы, надѣтыхъ на головахъ въ видѣ вѣпка и привязанныхъ къ сарафанамъ и рукавамъ рубашекъ.

Возлѣ самыхъ дверей у поперечнаго воронца тѣсною группой стоятъ парни, одѣтые большей частью въ легкіхъ лѣтнихъ пиджакахъ, изъ подъ которыхъ виднѣются вязаныя норвежскія рубашки и вывязанные въ видѣ галстука на шеѣ шелковые платки-кашнэ.

Парни на вечеринкахъ не имѣютъ мѣстъ для сидѣнія, и только „фартовые“ иногда пробираются къ лавкамъ и усаживаются между дѣвушекъ.

Въ комнатѣ душно и тѣсно. Пахнетъ разложившейся рыбой: треской, пикшей и сайдой. Винные пары и тяжелый запахъ махорки поселяются въ густомъ воздухѣ, одурманиваютъ голову и становятся дурно до изнеможенія непривыкшему къ этой обстановкѣ человѣку.

Вся программа простой „вечеринки“ заполняется „утушкой“ и „кадрелью“, если не считать распѣваемыхъ во время отдыха частушки.

Вотъ парни пригласили дѣвушекъ и въ ожиданіи ихъ выстроились въ два ряда.

Приглашенныя жеманятся. Но вотъ встала одна, самая бойкая, оправила сарафанъ, подошла къ своему кавалеру, поздоровалась съ нимъ и приготовилась къ пляскѣ.

Вслѣдъ за ней поднимаются и другія и совершаютъ ту же процедуру.

Запиликала визгливо „тальянка“ и началась пляска. Бѣгутъ дѣвушки отъ одного кавалера къ другому, обнимаются, крутятся...

А сѣрые глаза сіяютъ отъ радости, на щекахъ выступаетъ здоровый румянецъ и высокія здоровыя груди тяжело дышутъ.

Въ бѣшеномъ вихрѣ крутятся молодыя, полныя жизнерадостности, дышашія здоровымъ весельемъ дѣвушки, а парни въ тактѣ гармоникъ притаивываютъ погами, порой издавая какіе то странные звуки, которые, повидимому, противъ ихъ воли, вырываются изъ грудей отъ избытка веселья и удалости.

Какая простота въ движеніяхъ!

Какое непосредственное веселье!

И какъ мило, красиво и здорово это!

Невольно вспоминается страшное каменное чудовище—городъ съ его скучными танцевальными вечерами и маскарадами, блѣдными истеричками дамами и барышнями, туго затянутыми въ корсетахъ, которые не даютъ имъ возможность свободно дышать и гонять ихъ скорѣе домой. Вспоминается цѣлый рядъ свѣтскихъ условностей, отъ которыхъ становится такъ скучно...

А здѣсь, въ далекой глуши, вечеринки служатъ мѣстомъ, гдѣ выливается избытокъ накопившейся въ молодыхъ организмахъ жизнерадостности.

Замолкла гармоника и танцевавшая молодежь съ красными потными лицами и горящими глазами жметъ другъ другу руки. Дѣвушки чинно разсаживаются по своимъ мѣстамъ, а парни выходятъ на улицу „простудиться“ и свернуть „цигарку“.

Если тапецъ „кадрель“ въ Поморьѣ является сравнительно не старымъ и, если можно такъ выразиться, продуктомъ современной цивилизаціи, проникшей въ захолустный поморскій поселокъ, то „утушка“ отпосится къ старымъ хорОВОдамъ поморскаго населенія. Изъ усть старухъ и стариковъ-поморовъ мнѣ приходилось слышать, что въ ихъ молодости про „кадрель“ еще не знали. Тогда программы вечеринокъ заполнялись исключительно хорОВОдными танцами, уже теперь отжившими (таковы были: „парками“, „шестерка“, „кругъ“, „шинь“ и „утушка“), среди которыхъ „утушка“ занимала довольно видное мѣсто. Изъ всѣхъ этихъ хорОВОдныхъ танцевъ, имѣвшихъ когда-то цѣлый рядъ специальныхъ для каждаго хорОВОда пѣсенъ, уцѣлѣла одна „утушка“. И только иногда на святкахъ танцуютъ „шинь“. Пѣсни, сопровождавшія послѣдняго, современная молодежь уже не знаетъ и его танцуютъ подь „комаринскую“. Только „утушкѣ“ съ ея цѣлымъ рядомъ пѣсенъ суждено играть видную роль.

Считаю весьма интереснымъ познакомить читателя съ „утушкой“ и сопровождающими ее пѣснями, записанными мною въ с. Колежмѣ, Сумскомъ пос. и Лаинской вол.

Парень беретъ приглашенную имъ дѣвушку за руку и ходитъ съ ней три шага впередъ и столько же назадъ подь пѣсни, которыя поются всѣми дѣвушками. По окончаніи пѣсни приглашенная дѣвушка благодаритъ парня (объими руками) и въ свою очередь приглашаетъ парня или дѣвушку (большою частью парня). Опять поютъ пѣсню, ходятъ по три шага туда и обратно...

Пѣсни, предлагаемыя мною вниманію читателей, раснѣваются во всемъ Поморьѣ и посятъ на себѣ печать довольно стараго прошлаго.

„Утушныя“ пѣсни.

По синему морю корабличекъ бѣжитъ,
такъ и бѣжитъ.
Къ Кеми — городу корабличекъ слѣ-
шить, такъ и слѣпнуть.
На томъ корабликѣ самъ Василій,
самъ Васильевичъ сидитъ.
На звончатыхъ гусельникахъ такъ
играет, такъ играет:
„Заиграйте, гусели-мысли, генерича
при мнѣ,
При мнѣ, при Васильѣ — молодцѣ“.
Его мать Катерина
Таку рѣчь говорила:
„Полно, Васи, перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань“.
— „Тебѣ, мать, не унять,
Буду съ дѣвками гулять“.
Что за рѣчкой за рѣкой,
За Сорочкою губой,
За Сорочкою губой
Живе Василій молодой.
Кликалъ дѣвокъ, кликалъ бабъ,
Кликалъ маленькихъ ребятъ.
Онъ ужъ выкликалъ дѣвочку
На семнадцатомъ годочку.

„Чьего дому, чьего роду,
Какъ по имени зовуть?“
— „Мое имя Катерина.
Богатого кунца дочь.“
— „Не ходи гулять въ полночь“...
Ужъ ты; волошка, ты наша воля,
Довела насъ воли до неволи,
До славушки худой.
Пріѣдетъ миленькій съ моря
Не узнаетъ.
Самъ у дѣвушки дѣвоньки
Онъ спрашиваетъ:
— „Чего, дѣвушка, стала ты худенька,
„Съ бѣла лица зелененька,
Изъ ясныхъ очей стали красненьки,
Изъ себя стала тоненька?“
— „Ты, миленькій, пріѣдешь
На пески Териберки *),
Ты пріѣдешь на пески—
Мнѣ пошли трески.
Не поплешь трески—
Я помру съ тоски.“

*) Териберка — становище на Мурманскомъ берегу, гдѣ промышленяють поморы.

Надорвется дѣвучиноп сердце пла-
чучись,
Все тебя, мой миленькій, домой дожи-
даючись,
Что уѣхалъ миленькій, отправился
Не во дальнюю дорожку, во печаль-
ную,—
Недалешенько, да жаль дружка топ-
нешенько,—
Отъ славнаго, богатаго хозяина, отъ
Кочина—
Во славное становище во 'Териберку'.

Не бѣги,—догоноу,
Красна дѣвица—душа,
Подлюби, подлюби
Удалого молодца.
Еже-ль ты меня полюбишь—
Будешь счастливая,
Будешь счастливая,
Будешь талантливая.
Я люблю тебя душой,
Надѣлю тебя казной.
Кажды вечеръ будешь, милая,
Все въ обповочкахъ ходить.
Ты не ткать, ты не прясть,
Ты не будешь того знать.
Знай умыться, снарядиться
Да обновки выбирать.
По пирамъ, по банкетамъ
Будешь, милая, гулять.
Танцы, пляски и музыки
Душу—радость веселить.
И при радости такой
Будеть особенный покой.
Зеркалами и цвѣтами
Всю я спальню уберу.
Красна дерева кровать.
На ковръ будетъ стоять.
На бархатѣ, на атласѣ
Будетъ Саша почивать.
Будетъ Саша, будетъ Маша,
Будетъ милая моя.
Ужъ я къ ней прибѣгу,
Ужъ я ей обойму,
Расцѣлую, размилую
Свою радость дорогую.
Во лѣсочку, во лѣсу
Сидитъ пташка на дубу;
Сидитъ пташка,
Кричитъ Саша,
Кричитъ милая моя.
Подъ деревцомъ такимъ
Красна дѣвица сидитъ
Въ синтюнюревомъ капотѣ,
Въ миропосовой шали,
Ала розова косыпочка
И козловы башмачки.
Миловидна, милорожа
На всѣ стороны глядитъ.
Потихоньку, помаленьку
Подвигался молодець.
Красна дѣвица сказала:
—„Добрый молодець, прощай!“

Догадался, догадался,
Догадался и попеть.
Ай, лю-ли, пошелъ, ай, лю-ли, по-
шелъ.
Въ нову горни, въ нову горни,
Въ нову горницу зашелъ.
Ай, лю-ли и т. д.
Тамъ Машенька, тамъ Машенька,
Красна-дѣвица сидитъ.
Ай, лю-ли, и т. д.
Темный фартукъ, темный фартукъ,
Темный фартучекъ шумять.
Ай, лю-ли, и т. д.

Ужъ ты, Дуня, Дуни!
Уродилась Дуня
Невелика, не мала.
Со иными гуляла,
Со иными, со такими
Любезнаго лишила.
Я за то его лишила,
Что не вѣрепъ былъ,
Опъ не вѣрепъ, не вѣрепъ,
Не одну меня любилъ
Да не къ одной въ гости ходилъ,
Меня горьку, несчастну
На вѣкъ оставилъ, позабылъ.
У столика стоячи,
На цвѣточки гляжучи,
Плачучи, рыдаючи,
Да слезы утираючи.
Мои слезы не помогутъ,
Разговоръ не веселитъ,
Разговоръ не веселитъ,
Мнѣ жениться велятъ.
Мнѣ жениться, раззориться,
Полтораства издержать,
Полтораства издержать
Да велятъ Дуношу взять
Да въ терему Дуноу держать.
Дуни въ терему ходила,
Мужа вѣрнаго будила:
—„Ужъ ты встань, мой мужъ,—
Встань, удаля голова,
Принаѣхала родня.
У широкихъ, у воротъ
Дороги гости стоять,
Дорогие, не простые:
Шурья, братья холостые“.
Мужъ головку не вздымалъ,
Своей жепкѣ отвѣчалъ:
—„Отойди, жена не мила,
Вся родня твои постыла“
Заплакала Дуня, заныла
На крылечко выходила,
На крылечко выходила,
За крыльцо слезы ронила,
Братьямъ рѣчь говорила:
—„Ужъ вы, братцы родны,
Поѣзжайте домой.
Поѣзжайте, не опоздайте,
Въ темномъ лѣсѣ не почуйте.
Какъ приѣдете ко дому,
Скажите по поклону

Всему роду по поклону
 Да моему отцу родному.
 Забудьте одну—
 Мою маленьку ротну.
 Отдала меня не къ мѣсту,
 Роднымъ нѣту прїѣзду.
 Обварилась она
 На высоки дома,
 На высоки дома,
 На раскрашены балхоны,
 На свѣтлы самовары,
 На хрустальны стаканы.

Изъ подь горки, изъ подь елки, лю-ли,
 лю-ли.
 Вѣжитъ зайко—горностайко, лю-ли,
 лю-ли,
 Несетъ травку—небылицу, лю-ли,
 лю-ли,
 Про меня, красну дѣвицу, лю-ли,
 лю-ли,
 Будто я, красна дѣвица, лю-ли, лю-ли,
 Ткать, прясть не умѣю, лю-ли, лю-ли,
 Шелкомъ шить не разумѣю лю-ли,
 лю-ли.

Зелено вино въ карманкѣ,
 Сахаръ на бумажкѣ,
 Зелено вино пьеть,
 Сахаръ на закуску,
 Промежду собой братана
 Совѣтъ совѣтали,
 Жеребья метали:
 Кому деньги, кому платя,
 Кому красна дѣвка.
 Доставались деньги Грингъ,
 Цвѣтно платье Мишгъ,
 Иванушкѣ—щеголошкѣ—
 Красная дѣвица.
 Есть у моего милого
 Три сада зеленыхъ,
 Во первомъ саду-садочку
 Кукуеть кукуша;
 Во второмъ саду-садочку
 Поеть птица—пташка;
 Во третьемъ саду-садочку
 Самъ—душа—гуляетъ.
 Распѣваетъ птица—пташка
 Тонкимъ голосочкомъ.
 Я сплшу ли голосочекъ
 На тонкой листочекъ,
 На тоненькій листочекъ,
 На бѣлу бумажку.
 Отошло этотъ листочекъ
 Во дальній городочекъ,
 Ко мило дружку.
 —„Гы велишь ли, моя радость,
 Хорошо ходить?“
 —„Ходи, ходи, моя радость,
 Ходи хорошенько,
 Ты умойся, уберись,
 Ваще спарядися.
 Не ходи, моя милая,
 Къ сусѣду на бесѣду.

„У сусѣда на бесѣдъ
 Все сидять холосты.
 У холостыхъ глаза востры,
 Сами завидуици.
 Холость ходить, глазомъ водить,
 Изъ ума выводить,
 На праву ногу ступаеть,
 Разума пытаеть,
 Чернобровой называеть,
 На дворъ вызываеть.
 На дворъ, на дворъ вызываеть,
 Подарочекъ даваеть.
 Подарочекъ даваеть:
 Череннскаго платя
 Да золото виго колочко
 На праву, на ручку“.

Во горницѣ, во попой
 Дѣвка ткала полотно.
 Она ткала, катала
 Да спускала за окно,
 Звала милаго въ окно:
 —„Иди, миленькій, въ окошечко,
 Не бойся ничего,
 Не сорвется полотно:
 Не простое полотенце—
 Полушелковое.
 Съ того, съ полотна
 Дружку рубашку кроила,
 Докроила до конца—
 Не хватило рукавца.
 Я послала молодца
 Докупать рукавца.
 Милъ уиелъ давно
 Да не видать долго.
 Онъ со старыми старушками
 Забавлясь,
 Съ молодыми молодницами
 Призамѣшкался,
 Со красными, со дѣвицами
 Гулять носеть,
 Вдоль по улицѣ, въ копецъ,
 Оттуль ѣдетъ молодецъ,
 Несетъ въ рукахъ рукавецъ.
 Чѣмъ я, чѣмъ я молодцу
 За работу заплачу?
 Ему золота не надо,
 Серебра онъ не беретъ,
 Милъ-ка мѣди не ковать,
 Лучше такъ отказать.

Полно, полно намъ, ребята,
 Чужо вино пити. (2 р.)
 Не пора-ли, холостые,
 Свое становити? (2 р.)
 У насъ совѣтъ на овицѣ,
 А хмѣль на тычинѣ, (2 р.)
 На тычинѣ, на еницѣ,
 На самой верхинѣ (2 р.)
 Тычинушка гнется, ѣтеть,
 А хмѣль къ низу бѣтеть. (2 р.)
 Тычинушка опустилаь,
 А хмѣль обвалилась, (2 р.)
 Опустилась обвалилась,
 О мать-сыру землю. (2 р.)

Опустилась, обвалилась
 О траву-мураву. (2 р.)
 Не смелкайся, не смелкайся
 О, хмѣль, со травою (2 р.)
 Не влюбляйся, не влюбляйся,
 Молодецъ въ дѣвицу (2 р.)
 Свою голову погубишь—
 Самъ въ рай не будешь. (2 р.)

Вдоль по улицѣ любезный (2 р.)
 Онъ похаживаль, (2 р.)
 На любезниенко окошко (2 р.)
 Часто взглядывалъ. (2 р.)
 Ужь ты спишь не спишь, любез-
 ная, (2 р.)

Али такъ сидишь? (2 р.)
 Ужь я сплю — не сплю, любезный, (2 р.)
 Думу думаю: (2 р.)
 Научу тебя, любезный, (2 р.)
 Какъ ко мнѣ ходитъ. (2 р.)
 Ты не днемъ ко мнѣ ходи—(2 р.)
 Ходи вечеромъ. (2 р.)
 Ты не улицей ходи—(2 р.)
 Переулками (2 р.)
 Не воротами стучи (2 р.)
 Черезъ тынъ скачи, (2 р.)
 Чтобы я, красна дѣвица, (2 р.)
 Догадалася, (2 р.)
 Со бесѣдушки домой (2 р.)
 Сбиралася. (2 р.)
 Къ родну багюшку приду—(2 р.)
 Голова болитъ, (2 р.)
 Къ родной матушкѣ приду (2 р.)
 Ужь я вся больна; (2 р.)
 Ко милому дружкѣ приду—(2 р.)
 Здоровешенька; (2 р.)
 Отъ любезнаго приду—(2 р.)
 Ужь я веселешенька.

Ой, студеной ной—ной
 Зелены дужки не топталпые,
 Ой, студеной—ной—ной
 Красны дѣвушки не смотренныя,
 Ой, студеной—ной—ной
 Красавицы не цѣлованныя,
 Ой, студеной—ной—ной
 Еще какъ люди въ людяхъ живутъ,
 Ой, студеной—ной—ной
 На людей люди налаживаютъ,
 Ой, студеной—ной—ной
 На свекровушекъ спаравливаютъ,
 Ой, студеной—ной—ной
 Посылаетъ меня матушка
 Въ темный погребъ за пивномъ, за ви-
 номъ,

Ой, студеной ной—ной
 Въ погребу млада заслушалася,
 Холостому стаканъ рому налила,
 Ой, студеной—ной—ной
 А женатому зеленого вина,
 Ой, студеной ной—ной
 Холостого въ особливу провела
 Ой, студеной—ной—ной
 А женатому по шеѣ я дала.

За что дѣвки Ваньку любятъ—
 Я на свѣтѣ никого.
 Я на свѣтѣ на предметѣ
 Влюбилась въ одного.
 Я влюбилась, прѣзлалась
 И страдаю за него.
 Я страдаю да не знаю:
 За что онъ меня забылъ?
 — „Онъ забыть-то не забылъ.
 Онъ другую полюбилъ“.
 — „Другая, любезная,
 Чѣмъ же лучше меня?
 Вечеромъ, моя любезна,
 Вечерину сидѣла,
 Вечериночку сидѣла,
 Топку пряжицу вила.
 Пряжа рвется, сердце бьется!
 Перемѣла въ сердцѣ есть.
 Черемѣла есть, измѣна.
 Есть измѣничекъ такой,
 Есть измѣничекъ такой,
 Соловей молоденькой.
 Соловей молоденькой
 Да царень чернобровейкой.

Ужь ты, Аннушка, не плачь,
 лю-ли, лю-ли,
 Душа радости, яе воиц,
 лю-ли, лю-ли,
 Твои слезы дороги,
 лю-ли, лю-ли,
 Во Казань-городъ берутъ
 лю-ли, лю-ли,
 Сто рублей денегъ даютъ,
 лю-ли, лю-ли,
 Дунай-рѣчку дѣлають.
 лю-ли, лю-ли,
 Дунай рѣчка глубока,
 лю-ли, лю-ли,
 Разивалася широка.
 лю-ли, лю-ли,
 Еще Кемська рѣка,
 лю-ли, лю-ли,
 Еще Сумська друга,
 лю-ли, лю-ли,
 Колежемьски ручейки
 лю-ли, лю-ли,
 Въ сине море спротекли,
 лю-ли, лю-ли,
 Дѣтомъ высохли, змой вымерзли.
 лю-ли, лю-ли,
 Ужь ты, юноша-юнокъ,
 лю-ли, лю-ли,
 Сизокрыльый голубокъ,
 лю-ли, лю-ли,
 Спорхони, улети,
 лю-ли, лю-ли,
 Кого нать-того возьми,
 лю-ли, лю-ли,
 За собой поведи
 лю-ли, лю-ли,
 Да своей назови
 лю-ли, лю-ли.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
 Во компанійѣ была.
 Я по совѣсти милого
 Во любовь себѣ брала.
 Мнѣ не стыдно съ нимъ водиться:
 Можно радостью назвать.
 Мнѣ нельзя къ нему склониться —
 Жаль жестоко отказать.
 Во уборѣ, во нарядѣ
 Милый глянется хорошъ.
 Онъ хорошъ собой, учливый,
 Вѣчно ласковъ на слова,
 Но поступкамъ паренъ бравый,
 Торовать на всѣ дѣла,
 Вижу, впрочемъ, въ разговорахъ
 Прежде въ лѣсъ дружкою манить.
 Запримѣтивши обманчикъ
 На колына посадилъ.
 Со колына меня любезный
 Танцевать съ собой просилъ.
 Я не долго танцевала,
 Милый ручки крѣпко жаль,
 Прочь я рукъ не отымала,
 Очутился въ лицѣ жаръ.
 Вышла въ сѣни простудиться,
 Чтобы жаръ съ лица согнать.
 Не успѣла выйти вонъ —
 Милъ стоитъ передо мной,
 Разговаривать со мной,
 Разговаривать любезный, здоров-

кается:
 —Зраствуй ты, здраствуй я,
 Здраствуй, милая моя,
 Вы пожалуйста, дѣвица,
 На фатерушу ко мнѣ.
 У меня-ли на фатерѣ,
 Право, нѣтъ никого.
 Въ первыхъ — инсаръ;
 Въ другихъ — я;
 Въ третьихъ — вѣрный мой слуга.
 Писаря-мерзавца въ канцелярію пошлою,
 Ужъ я вѣрнаго слугу
 Во царевъ кабакъ пошлою.
 Ужъ я душечку свою
 Въ особливу проведу,
 За дубовый столъ сажу
 Да чаемъ, кофе напою.

Кабы волюшка была,
 Я бы дома не жила,
 Не пила бы я, не ѣла,
 Все на милаго-бъ глядѣла,
 Не спала-бы, не дремала,
 Въ гости милаго-бъ ждала.
 Пойду млада по воду
 Съ ушатами, съ ведрами,
 Со новыми, со дубовыми.
 Врошу ведра подъ гору,
 Сама сяду на траву,
 Раскинуся я въ логу,
 Я въ логу зеленомъ,
 Во рошницѣ кудрявой.
 Изъ подъ этой рошницы
 Спротекаетъ рѣченка
 Не широка-быстрая.

Какъ по этой рѣченкѣ
 Наѣзжали молодцы.
 Наѣзжали молодцы,
 Вытегорскіе **) купцы.
 Выстѣкали рошницу
 Да не о самый корешокъ.
 Дѣтали изъ рошницы
 Звончаты гусельшки.
 Кому въ гусли играть,
 Кому сходитъ поплясать?
 Играть будетъ Ванюша,
 Плясать будетъ Тапоша.

Ты куда, соколъ, летинь,
 Да куда машошься?
 Я лечу ли да машуся
 Да на ту сторону,
 Ой, да въ часту рошницу.
 Въ частой рошницѣ
 Да есть гулянице,
 Есть гулянице —
 Съ миламъ свиданнице.
 Генераль-то гулять
 Да съ генеральшею;
 Капиталь-то гулять
 Да съ капитаншею;
 Доброѣ молодецъ гулять
 Да съ красной дѣвицею;
 Молодой да солдатъ
 На часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ
 Да себѣ смѣну ждетъ.
 Пришла смѣнушка
 Ой, да красна дѣвица.

Не за рѣченкой мой миленькій моется,
 Шелковымъ платкомъ милой утирается.
 Мнѣ не жаль платка, что платочекъ

мочится,
 А мнѣ жаль дружка, что съ другой
 полочится.
 Оповадился милый въ зарѣку ходитъ,
 Что-ль за рѣченкой, къ жонкѣ-цѣло-

вальницѣ.
 —„Я не къ ней хожу, хожу къ ейной
 дочери.
 Я не дочь люблю, — люблю сладку во-

дочку.
 Сладку водочку люблю, да развишне-

вую“.
 Сладкой водочкой милой нашивается,
 Изъ кабака идетъ миленькій патается,
 За помынь-траву милый запинается.

Не бѣги, моя красавица, ностой,
 Намъ недолго побесѣдовать съ тобой.
 Обери свое прелестное лицо,
 Я скажу тебѣ секретно словцо.
 Скажи, дѣвушка, любишь, али нѣтъ,
 Я каковъ кажусь удалый молодецъ.
 Въ лицѣ, дѣвица-красавица, горнишь,
 Потушивши очи ясны, говоришь:
 „Не годится намъ отвѣтъ такой дер-

**) Вытегра Олонецк. губ.

Вопь какіе распрелестныя глаза,
Видитъ Богъ, какъ я любила молодца,
Почитала лучше матери, отца,
Для его я все на свѣтъ прожила.
А теперь ему стала не мила,
Отправляется въ низовы города,
Внизъ по матушкѣ на кораблѣ гулять.
Волга матушка бурливо говорить,
Подъ соборами разбойники шумять.
— „Во Саратовѣ дѣвнцы хороши.
Не нашель я красной дѣвнцы души“.

Не дѣтай-ко, нашъ соловьюшко,
Не дѣтай-ко, нашъ молоденькой.

Безъ тебя въ саду не весело.
Всѣ птицы, всѣ птишныцы —
Всѣ сплять, головушки повѣсивши,
Всѣ крылья—перья поронивши
По тебѣ ли, моя зоренька.
Приходилъ парень ко дѣвущкѣ.
Приносилъ парень подарочекъ
Гранитару на юбочку
Да тафтали на душегрѣчку.
На головушку — тальнянскій платъ;
На право рученьку — златой перстень,
На лѣву ручку позолоченный.

Г. Цейтлинъ.

Къ исторіи одной школы.

(Заднесельское 2-хъ классное училище М. Н. П. Вологодской губ., Кадинковскаго уѣзда).

Грамота въ Заднесельской волости стала распространяться съ 1850 года *). Правильно сформированной школы не было, а обученіемъ грамотѣ занималась дѣячица—Ольга Ивановна, жена дѣячка мѣстной церкви.

Учениковъ она набирала съ осени до Пасхи—съ платою по 2 руб. съ человѣка и учила читать по Евангелію и Часослову, а тѣ, которые учились по одному Часослову—платили по рублю; за письмо приплачивалось еще по два рубля и желающіе—ходили двѣ зимы. Запятія производились утромъ и вечеромъ.—Обученіе начиналось съ азовъ, — сначала заучивали *азы*: „азъ, буки, вѣди, глаголь“ и т. д., а потомъ проработывалась друкхрядка, трехрядка и т. п. Ученики садились за одинъ столъ. Она давала всѣмъ по букварю, или другой книгѣ, а сама уходила на работу. О. И. была вѣчно за работой: скудность содержанія мужа не позволяла ей держать прислугу. Въ то время ученики поступали къ ней въ школу по одновременно; старшіе, т. е. уже знавшіе азбуку, должны были показывать младшимъ въ то время, когда сама она занималась хозяйствомъ внѣ избы: трясла кормъ для скота или поила телятъ. Кончивши это дѣло, она принималась за печеніе пироговъ или хлѣба. Въ это время ученики проработывали двухрядку или читали хоромъ главы изъ Евангелія или псалмы изъ Часослова. Въ полдень занятія прерывались. Ученики уходили домой, а сама О. И. обѣдала и отдыхала. Вечеромъ занятія начинались снова. Прежде всего назначался дежурный. Обязанность его заключалась въ слѣдующемъ: онъ долженъ былъ приготовить лучину на вечеръ и все время поддерживать *свѣтецъ*, а если было темно—или лучина сыра, то онъ держалъ ее надъ столомъ. Вечеромъ О. И. падо было опять обряжать хозяйство: и телятъ поить и корову поить. Корову она подводила къ дверямъ избы, отворяла ихъ, а учениковъ опять заставляла читать хоромъ. Ученики ей были настолько знакомы, что она знала каждаго по голосу, и если онъ ошибался, то она кричала по обыкновенію: „врешь, поповичъ!“ или поправляла его такъ громко, что лежавшій обычно въ

*) Этотъ годъ указанъ А. Е. Мерцаловымъ въ его запискахъ о Заднесельской волости.